

Несколько дневниковых записей о Ю.М. Лотмане 1992—1993 годов⁴⁰

Я приехала в Тарту в 1982 году из города Обнинска, потому что моя учительница Мина Хасановна Халикова (выпускница МГУ 1955 года, однокурсница И.А. Мельчука и В.Я. Лакшина) подарила мне «Комментарий к “Евгению Онегину”» Ю.М. Лотмана и сказала: «Учиться филологии нужно только у Лотмана в Тарту!». Опыт «заграничной» жизни у меня уже был: я родилась во Львове и часто там бывала. Но «заграничность» Тарту была особая. Центры жизни — университет, библиотека (невиданно современной архитектуры; была только что построена), кино клуб. Пространство было настолько значимым, что требовало напряжения всех сил. Нам казалось, что за пределами Тарту не может быть ничего более важного. Так, например, я впервые поехала в Таллин только в конце своей университетской жизни и была сильно поражена красотой города, морем...

Центром тартуского пространства был, несомненно, Ю.М. Каждая встреча с ним — даже очень краткая — становилась событием. Особенно если он, вежливо раскланиваясь, приподнимал шляпу в знак приветствия. А в библиотеке была его кабинка: проходишь мимо и, конечно, заглядываешь: на месте или нет.

На втором курсе Ю.М. начал нам читать курс по истории русской литературы XIX века. Самое сильное впечатление производили его слова: «Как Вы, наверное, знаете». Скажет их, и называет имя какого-нибудь малоизвестного литератора или факт из истории литературы. И ты думаешь: «Боже, ничего-то я не знаю, имя это слышу в первый раз, даже записать не могу правильно». Даже если содержание лекции было не совсем понятно, эмоционально все было однозначно: сразу после лекций немедленно бежать в библиотеку и заниматься до закрытия! В позднем мемуарном тексте о своих учителях Ю.М. написал о Г.А. Гуковском, что тот заряжал своей любовью к предмету, своим вдохновением. Этот «педагогический прием» Ю.М. перенял от своего учителя в полной мере.

Воспитание в Тарту шло и помимо университетских аудиторий. Быстро распространялись сведения, что сегодня в кино клубе Тарковский или Феллини, а завтра в аule — классическом зале главного университетского здания — концерт Спивакова. Не только вступительные лекции Ю.М. (как, например, о «Блоу-ап» Антониони), но и просто само его присутствие в зале заставляло слушать музыку или смотреть фильм по-другому — прилагая усилия. Ярко запомнились выражение лица и походка Ю.М., когда он одиноко выходил из аудитории после фильма «Жил певчий дрозд» Йоселиани... Было заметно, что фильм произвел на него очень сильное впечатление. Невольно начинали и мы задумываться почему.

На втором курсе нужно было выбирать научный просеминар, в котором следовало писать первую курсовую работу, на третьем и четвертом курсах —

40 Работа выполнена при поддержке научного фонда Института гуманитарных исследований Таллинского университета (TÜNI Uringufond, проект 2_NTFOO).

курсовые, на пятом курсе — диплом. Каждый год просеминары набирали не все преподаватели. Так, на нашем курсе не набирала семинар Зара Григорьевна, перегруженная учебной работой. Я со страхом записалась к Ю.М.

На первом занятии он рассказывал о том, что нужно любить предмет своих занятий и приводил в пример какого-то энтомолога, который говорил о скорпионах: «Вот они рождаются на свет, такие маленькие, изумрудно-зеленые». В год нашего просеминара (1984) Ю.М. читал спецкурс по Гоголю и предложил список тем для просеминарских работ. Можно было предлагать и свою. Но когда одна студентка сказала, что хочет заниматься Гоголем и символизмом, строго спросил: «А по какому изданию Вы собираетесь изучать тексты Гоголя?». Мы поняли, что предстоит учиться и учиться. Моей первой темой — выбранной из списка Ю.М. — была «Образ лжи в петербургских повестях Гоголя». Я выписала все работы о Гоголе из библиографии К. Муратовой на карточки, их было около ста. С чего начинать? Спросила у Ю.М. Он начал сортировать: «Это нужно прочесть в первую очередь, это — во вторую, ну а это — в третью...». В первой стопке были работы Г.А. Гуковского, Ю.В. Манна, Андрея Белого, В.В. Гишпиуса.

После окончания университета (учеба затянулась из-за рождения старшего сына) в ноябре 1990 года я начала работать старшим лаборантом в лаборатории истории и семиотики Тартуского университета, фактически личным секретарем Ю.М. Это было трагическое для Ю.М. время. В 1989 году в Мюнхене он попал в больницу, обнаружился ряд болезней, появились трудности с чтением и письмом. Зара Григорьевна была все время рядом, записывала под диктовку главы книги «Беседы о русской культуре» (СПб.: Искусство-СПБ, 1994). В октябре 1990 года в Бергамо (Италия) Заре Григорьевне удачно сделали операцию. 25 октября в результате неожиданных осложнений она умерла. Ей было всего 63 года.

На кафедре было решено, что Ю.М. нужны помощники. Работали мы вдвоем с Владиславой Гехтман, которая числилась младшим научным сотрудником в лаборатории Зары Григорьевны, а затем — С.Г. Исакова. Я приходила в дом Ю.М. в первую половину дня, Влада — во вторую, работали и по выходным. Часто бывали в доме Любовь Николаевна Киселева — с новостями об университетской и кафедральной жизни — и Елена Анатольевна Погосян, которая записывала мемуары Ю.М. и работала вместе с ним над книгой «Великосветские обеды», иногда Ю.М. диктовал статьи заходившей по делам лаборатории Марине Феофановне Гришаковой. Написанное нами перепечатывала Сильви Салупере.

Обычно день начинался с разбора почты — читали письма, писали ответы (в основном от руки, только официальные письма печатали на машинке, а Ю.М. ставил свою подпись). Но главной была диктовка новых статей. Обычно Ю.М. до нашего прихода записывал своей рукой приходившие мысли. Мы зачитывали этот замысел, и он начинал диктовать. В день писали по 10—12 страниц⁴¹. Ю.М. диктовал так, что мы спокойно могли писать от руки. Часто приходилось искать цитаты. Ю.М. хорошо знал расположение книг в своей

41 Значительная часть надиктованного опубликована. Во-первых, это две монографии («Культура и взрыв» и «Непредсказуемые механизмы культуры»), целый ряд статей, которые давно вошли в научный обиход. Неопубликованные статьи готовятся к изданию в Таллинском университете.

библиотеке, показывал нам. Найти цитату было легко, так как она была отчеркнута им ранее на полях, иногда читали текст целиком.

Иногда Ю.М. помнил только ритм стихотворения, и нужно было найти его по ритму. Так долго искали стихотворение Блока «Художник». В перерывах между диктовкой пили чай, причем Ю.М. всегда старался нас накормить. Иногда выходили гулять в парк рядом с домом.

Поначалу я очень стеснялась, боялась не соответствовать, не понять, не найти, не суметь что-то, потом постепенно робость сменилась уверенностью, что действительно могу помочь.

Бывали забавные истории. В эпоху перестройки количество писем от читателей и зрителей «Бесед о русской культуре» резко возросло. Были среди них и сумасшедшие. Однажды пришел толстый пакет с трактатом об устройстве мироздания, в котором явно не было никакого смысла. После нескольких прочитанных страниц Ю.М. сказал: «Послушайте, это, наверное, сумасшедший. Не будем читать, вернемся к работе». Я начала читать начатую накануне статью, и вдруг нам обоим стало почему-то очень смешно. Ю.М. сказал: «Позвольте, но это тоже какой-то бред. Знаете, что будут в аду со мной делать черти? Читать мне без перерыва мои сочинения».

Работая с Ю.М., я понимала, что нужно вести дневник, записывать наши разговоры. Но все-таки не делала этого регулярно. Сохранились несколько разрозненных записей. Сейчас они кажутся несколько наивными, но в них все-таки живо переданы некоторые интонации и детали. Публикую их без исправлений и купюр.

5 марта 1992 года

(запись сделана после возвращения Ю.М. из Венесуэлы,
где он был на конференции)

Пришли с Владой, подарили гвоздики — бордовую и розовую. Очень рад нас видеть.

— Ну что тут у вас?

— Как Вы съездили? Какие там люди, с песьими ли головами?

— Как говорится, нормально.

— Жарко ли там?

— Погода очень переменчивая. Вот когда мы летели, нас посадили на острове с вулканом. Вот там действительно очень жарко. А в Карáкасе (надо так говорить) очень переменчивая погода.

— Кто там был из европейцев?

— Был один из Америки, один немец, один человек с Кубы, мой хороший знакомый, можно даже сказать, друг. Интересных докладов было мало. Периодически врывались какие-нибудь аргентинцы и на их испанском языке говорили о классовом неравенстве. И все удивительно верно. Они там понимают семиотику как борьбу с классовым неравенством.

Сам город состоит из современных, некрасивых построек и самых настоящих трущоб, таких, что войдешь в одном куске, а выйдешь в двух.

Заговорили о делах.

— Мне всегда казалось, что я пишу о том, о чем не имею ни малейшего представления. Теперь мне снятся мои статьи. Яркие, как камни под водой, а когда я просыпаюсь и «вытаскиваю» их, они мутнеют. Вот сегодня приснилась

статья о дуэли, вернее о том состоянии особенном. Приведу два примера, один из Пушкина, а другой из собственного опыта.

«Есть упоение... все то, что гибелью (интонационное ударение) грозит».

Так во время войны от сильной усталости или от усталости и опьянения наступает в определенный момент ощущение полной свободы, когда ничего не страшно, никакого свиста пуль не боишься и... полная свобода. Так, наверное, бывает у рожаящих женщин.

— И во время болезни?

— Да, и во время болезни. Вообще в пограничных ситуациях.

Вот и дуэль. Она имеет несколько этапов. Сначала — сомнения (цитирует «Евгения Онегина»), потом уже чувства, мысли переходят в поведение, поступки. Когда Пушкин стрелял в этого гада, он был счастлив. Тут хлопоты житейские, сомнения в верности жены и вот — все к черту! Покончить сразу со всем! Вдохновение — тоже такой момент: «И зримо ей в минуту стало незримое с давнишних пор».

(Берет два блюда.) Вот корова, а вот — хлеб, они никак не пересекаются, совсем не похожи друг на друга. И вдруг в один момент (складывает одно на другое) становится ясно, что это — одно и то же. Гений в определенный момент прозревает и открывает истины, которые казались обычными или потом будут казаться обыкновенными.

Влада сомневается, насколько читатель оценит откровения гения.

— Открытия бывают разные. Я вот пишу, пишу... Как помните рассказ о сумасшедшем, который вставал, садился перед листом чистой бумаги и начинал дрожать, потом приходил в ярость, рвал на себе волосы и писал: «На берегу каких-то», — зачеркивал, — «пустынных волн стоял Петр», — зачеркивает, носится, волосы рвет на себе, — «он дум великих полн». И так к концу дня получается «Медный всадник».

Вдохновение создает произведения такой силы, которое дает читателю ощущение свободы, а если не дают такого ощущения, тогда на кой черт они сдались. Это такая психосемиотика.

— А есть исследования в этой области?

— Какие исследования! Мы и науку такую только сейчас придумали!

— Но ведь это надо знать и психологию, и биологию высшей материи...

— Ну а мы с Вами что же? Прочитаем все эти книжки, какие они (психологи, биологи) написали, и тоже будем знать все это, если Господь Бог продлит наши дни.

21 апреля 1992 года

В книжке — цитата из стихотворения Огарёва «Студент».

— А вы знаете пародию Достоевского на это стихотворение?

(читает: «Он незнатной был породы, / Он возрос среди народа...»)

Достоевский вообще был очень злой человек. Так всегда: чрезмерная любовь к человечеству оборачивается в конце концов ненавистью.

— Вы не любите Достоевского?

— Ну, у него были основания быть таким злым. Как, например, народо-вольцы охотились за царем.

А ведь Александр II был очень плохой человек. Вначале — не очень злой, но слабый и лживый. Вот Николай I был человек ограниченный, злой, Алек-

сандр III — грубый, но оба были честные люди. Если они говорили, то делали то, что говорили. А Александр II был человеком лживым. Вот Зайончковский рассказывал, что когда они издавали записки одного военного министра, то им пришлось выкинуть ужасный кусок про то (до сих пор историки это как-то умалчивали), как Александр II выдал своему тестю (австрийцу) расположения французских военных крепостей, притом что правительство России находилось в дружественных отношениях с правительством Наполеона III. Александр II воровал. Он покрывал расхитителей казны и сам оплачивал свои долги за их счет.

— Но народovolьцы решили его убить на Липецком съезде.

— Кажется, это было позже, во время раскола. Но ведь были виселицы. Перовская, которая действительно очень сильно любила Желябова, просто металась как загнанный зверь (по воспоминаниям Степняк-Кравчинского). И потом они все равно были в проигрыше. Ведь вешали их больше, чем они.

— А вы читали Трифонова «Нетерпение»?

— Да, хороший роман и вообще хороший писатель. Кажется, очень рано умерший.

30 июня 1992 года

— Я когда пришел с войны, писал стихи в духе Маяковского:

Петух человека счастливей
Раз во сто:
Убьют, а потом — щипать и варить.
А меня ощипали начисто,
А потом решили убить⁴².

9 августа 1992 года

Я рассказала Ю.М., что готовлюсь к курсу, который в сентябре начнется в субботней гимназии при кафедре: «Литература пушкинской поры. Вокруг «Евгения Онегина»».

— С чего бы Вы начали, Ю.М.?

— Знаете, я бы начал с замысла: как Пушкин пришел к «Е.О.», потом — история создания (что это были отдельные главы, как они выходили и воспринимались современниками). Потом я бы прошелся по главам: что из себя представляет каждая. А потом уже характеризовал бы как целое: композиция, сюжет.

А если Вы предпочитаете шоковую терапию, то надо им сразу дать понять, что они должны забыть все, что им говорили в школе. Скажите, что старшие преподаватели Вам рассказывали, как они изумлялись, когда после их лекций, аккуратно записываемых студентами, после изложения разных теорий, на экзамене неизменно слышали навязшее в зубах со школьной скамьи: «Онегин — представитель разлагающегося дворянства, Онегин — лишний человек». Все

42 Ср. дневниковую запись Ю.М. от 16 июня 1944 года: «Мысль под вечер: Судьба поступает с петухом милосерднее, чем с человеком — его сначала зарежут, а потом ощипывают. С человека же сначала заживо выщиплют все иллюзии, а потом убивают! Случайности нет» (Tallinna Ülikooli Arhiiv. Ф. 136. Ед. хр. 7. Л. 7.).

это не плохо, но все наши теории ложатся на пустоту, и в головах остаются заученные школьные фразы. Поэтому надо сделать так, чтобы они многое забыли, а то, что узнавали бы потом, получало бы смысл, запоминалось осознанно. Академик Марр...

— Расскажите о нем.

— А как о нем в двух словах рассказать? Ученый, который знал много языков и все время создавал новые теории. Он вставал в 6 часов утра и записывал свою лекцию. Потом медленно читал ее (студенты все аккуратно записывали), потом постепенно входил в ярость (он был человек страстный) и начинал кричать: «Вы записали то, что я говорил?! Немедленно вычеркните!!». И начинал сам бегать по рядам и смотреть, все ли вычеркнуто, иногда сам рвал страницы: «Забудьте все к чертовой матери!». И начинал излагать новую теорию. Так и Вы со своим темпераментом что-нибудь в этом духе (им запомнится это занятие, вот увидите). Начинать с «Е.О.». Даже завидно!

Потом, после паузы:

— Таня, скажите честно, я очень отличаюсь от себя прежнего? Мне кажется, я стал добрее.

— Это есть.

— Как всякий человек становится добрее, когда ему прижмут хвост. А вообще я как татарин в древнерусской летописи: изломанный, побитый, аще живет.

15 августа 1992 года

Гуляли после работы. Говорили о Битове. Я сказала, что его очень любят за границей.

— А я, грешный человек, не люблю его. Хотя читал очень мало. У него все очень вторично.

— Но он, кажется, эту вторичность, в какой-то мере подчеркивает.

— От этого появляется тоже ощущение, что все это — перевод на русский язык.

Читали его статью.

— Хочется написать статью о «Живом труппе» Толстого. И вообще хочется воли. Как, знаете, бывает, когда много и долго пьешь. Мы постоянно отстреливались от отставшей сильно группы немецких войск и ужасно много пили. Наш командир батареи, пьяный, звонит на переднюю линию:

— Вижу 8 человек, которые приближаются к нам.

— Наши или немцы?

— А... (тра-та-та), кто их разберет...

— А ты кинь пару снарядов и смотри, в какую сторону побегут...

Так вот и мы много пили, и вот говорят, что связь порвана. Я бегу, быстро все налаживаю, и так мне легко — кажется, вот бегу-бегу, а потом — возьму и полечу. Но это очень много пить надо...

20 августа 1992 года

Приезд Пятигорского, большого человека, один глаз его закрыт, другой косит. Говорит, четко выговаривая окончания, очень светский в общении. Ю.М. подтрунивает над ним, тот все время это провоцирует: «Если я не полный идиот, Ю.М.» Говорили о Якобсоне:

— Юрий Михайлович, Вы видели Якобсона в его последний приезд в Россию?

— Нет, не видел...

— Когда я первый раз увидел его за границей, меня поразила какая-то животная сила этого человека, именно животная, не интеллектуальная, не физическая...

— На меня он не произвел такого впечатления.

После просьбы о встрече с молодежью Пятигорский сказал: «Я уезжаю сегодня в 11 часов и все часы до этого часа хочу провести только с Ю.М.» (но встреча все-таки была).

22 августа 1992 года

Вчера читали «Живой труп» и начали писать статью. Из ночных мыслей: мнения от Пушкина до «партийности литературы». У Пушкина — принципиальная неоднородность, которая у Гоголя «Выбранных мест» становится узконаправленной, потом Белинский 40—60-х годов с мыслью о «пересказуемости» литературы. Хотя это было еще раньше, у Радищева, который говорил, что то стихотворение достойно похвалы, которое можно пересказать прозой. Добролюбов — Чернышевский — «партийность литературы».

Сегодня рассказал:

— Сталин говорит речь: «Как писал великий русский сатирик Гегель... (долгая-долгая пауза) Го-го-ль». А мы все замерли от ужаса.

За чаем рассказывал о фольварках на Западной Украине, которые стоят разрушенные, никого нет, и библиотеки прекрасные (русские книги закуплены в конце XIX века).

— А я, знаете, так: в противогазе — книги, в вещмешке — книги.

Когда гуляли, Ю.М. о моем курсе в гимназии:

— Надо начать с того, что, как говорили в XVIII веке, огорошить их. Попросят назвать три самых знаменитых произведения, которые им известны. Наверняка, назовут «Онегина». А потом сказать, что произведение меняется вместе с нами. Толстой, Достоевский, Пушкин потому и велики, что, читая их в разном возрасте, мы узнаем все больше и больше о себе. Мы меняемся, и меняется наш разговор с текстом, и сам текст меняется. Кроме того, вам кажется, что вы знаете «Е.О.», а ведь вы его не знаете. Один учитель чертил на доске точку и круг и говорил: «Вот тот человек, который ничего не знает (указывал на точку), и площадь его знания ничтожно мала, но мала и площадь незнания, с которой она соприкасается. А вот другой человек, он знает больше (указывал на круг), но он больше и не знает. Чем больше человек знает, тем больше он не знает. И прав был философ, который сказал о себе: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Так вот, с одной стороны, текст говорит: «Познай самого себя», повторяя надпись на храме Аполлона в Дельфах, а с другой — он требует огромных знаний об эпохе. Прежде всего я бы начал с бытовых деталей.

20 августа 1993 года

Вчера мы читали «Женитьбу». Ю.М. хохотал, особенно над словами Феклы. Собирались сегодня читать «Женихов». Позавчера читали «Игроков», потому что пишем статью о Гоголе. Третьего дня Ю.М. очень интересно рассказывал о своем детстве, о родителях:

— Отец был известным тогда в Питере адвокатом. Он все понимал (о политической ситуации), но разговаривал на эти темы только с Инной. Меня он вообще не замечал, считал глупеньким. Учился я плохо в младших классах. Только когда я сделал доклад на первом курсе в семинаре Гуковского и еще Проппа, он впервые посмотрел на меня с любопытством, хотя ничего не сказал.

— А как Вы ощущали тогда политическую ситуацию?

— Танечка, мы мечтали о мировой революции! У нас в комнате висел плакат, на котором по-китайски было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (у Инны была подруга — дочь профессора китайского языка⁴³). Я ведь Вам рассказывал, как мы с Борькой Лахманом (у него потом отца расстреляли) собирались бежать в Испанию, мы думали тогда: «Поскорее бы началась война! Тогда бы не было никаких процессов, врагов народа, тогда бы все сразу встало на свои места». Тогда казалось, что наступило время благоденствия. В Питере, по крайней мере, было много ларьков, где можно было все купить. Кругом страна голодала, а нам казалось, что вот она наступила, хо-рошая жизнь. Все изменилось после убийства Кирова.

— А Вы помните, как это было?

— Конечно. Подхожу к школе, там толпа, митинг организовали. Кирова, конечно, убили по приказу Сталина, ведь он на съезде партии получил голосов гораздо больше, чем Сталин, и уже ясно было, что на следующем съезде за Сталина никто не проголосует. А вообще жилось нам весело. Вот Ляля⁴⁴ запомнила детство как трудное и голодное, потому что она была очень ответственная и всегда волновалась за нас. А мы жили очень весело. Много читали.

— А что, не помните?

— Сначала читала нам Инна⁴⁵ вслух. Нашей любимой книгой были «Дети капитана Гранта», читали Марка Твена про Тома Сойера, читали еще такую серию книг для юношества, которая выходила до революции. Там были разные поучительные романы про хороших и плохих девочек. Плохие девочки вытаскивали на перемене свой бутерброд и сами его съедали, а хорошие не ели своего бутерброда, а отдавали его нищим.

— А Чарскую вы читали?

— Чарскую мы презирали за то, что у нее чересчур хорошие девочки и вообще все очень буржуазно. Мы придумывали себе, что каждый из нас — какой-нибудь герой, и каждый вечер рассказывали друг другу, что с кем произошло.

— А почему Вы так плохо учились?

— Да диктанты плохо писал, с ошибками. Потом Инна со мной писала диктанты. «Юра, пойдем писать диктант», — железным голосом говорила она. Я изворачивался, как мог. Каждую ошибку надо было по 20 (что ли) раз переписывать. Инна вообще была нашей воспитательницей. Так, когда мы жили летом на даче в Сестрорецке, то она, воспитывая нашу храбрость, заставляла нас перебираться через речку на финский берег по остаткам моста. Мост был разрушен, и остались одни штыри, по которым, перепрыгивая, мы должны были перебраться на тот берег. А берег был песчаный, круто сходящий к речке, и мы скатывались по нему «солдатиком», перекатываясь с боку на бок.

43 Речь идет о Софье Дмитриевне Позднеевой (1915—1980) и ее отце востоковеде Дмитри-
рии Матвеевиче Позднееве (1865—1937, расстрелян).

44 Сестра Ю.М. Виктория Михайловна Лотман (1919—2004), врач-кардиолог.

45 Сестра Ю.М. Инна Михайловна Образцова (1915—1980), музыковед, композитор.

Инна была очень способной, после школы она поступила в консерваторию. Отец отвел ее к Глазунову, и тот сказал: «Эту девочку надо учить» (такая семейная, передающаяся из уст в уста фраза).

Вообще на даче мы жили весело, хотя и голодно. Мать была общественница, у нее сначала был кружок, потом собрание, потом еще что-то. И поздно-поздно вечером она добиралась до дома, а мы тем временем уже картошку или чечевицу сварили, так и поужинаем. Так и жили. А на дачу она приезжала только по пятницам, и сестры каждую пятницу шли ее встречать к поезду. Однажды из-за меня заболела Ляля. Они пошли с Лидой⁴⁶ встречать мать, а та не приехала (она иногда не приезжала из-за своих бесконечных дел). Был сильный дождь, сестры все вымокли, пришли домой — стучат, а я не открываю, сплю. Так они и простояли под дверью до утра, пока я не проснулся. Потом Ляля, сильно простудившись, заболела воспалением легких.

— А Ваша мама была партийной?

— Нет! В партии она никогда не была, но хорошо знала некоторых партийцев. Она в молодости поехала в Париж и выучилась на швею, потом очень хорошо шила и этим зарабатывала.

27 августа 1993 года

Ю.М. последние дни вспоминал медовые карандаши:

— Ах, Таня, как удивительно ярко все бывает в детстве! Вот, помню, были такие медовые карандаши. Почему их так называли, я не знаю. Бывало, рисуешь ими, и так ярко все получается.

А еще мне вспоминалось, как я лежу дома в комнате родителей, а Ляля заболела, вызвали скорую помощь, вообще все ужасно. А я выставил ноги в длинных панталонах и думаю: «Какой у меня значительный вид, как у взрослого!». Никто, конечно, не заметил ни моих панталон, ни позы, но это было очень важно почему-то.

Ю.М. сказал, что в детстве на него очень сильно повлиял роман Елены Данько «Деревянные актеры», который оканчивался словами: «Мы шли в Париж, навстречу революции».

46 Сестра Ю.М. Лидия Михайловна Лотман (1917—2011), литературовед.